

— Я еще легко отделался, что до восьми лет не знал, каково это — когда тебя прижимает к кровати какой-нибудь дохлый гей...

Линь Шэнь смотрел на него, и в его взгляде, холодном и безразличном, плескалась звериная жестокость:

— Моя ненависть к гомосексуалам — в немалой степени твоя заслуга.

Если бы в восемь лет его едва не изнасиловал тот жирный ублюдок, он бы не испытывал такого отвращения к подобным связям.

— Ты правда думаешь, что я пришел в себя? Тебе кажется, что раз я потом вел себя как бесчувственный чурбан, то все забыл? Говорю тебе: та травма осталась со мной навсегда.

Линь Шэнь смотрел на бледное, застывшее лицо Линь Исина, и эта картина наконец принесла ему долгожданное, почти мучительное облегчение, сменившее гнев.

— Кстати... та история на фестивале искусств — тоже твоих рук дело? — спросил он, почти не сомневаясь.

Иногда, когда туман рассеивается, все становится предельно ясно. В те годы он никак не мог вычислить, кто стоит за кулисами, но теперь, спустя столько времени, даже проверять не нужно — ответ очевиден.

Чем больше он думал, тем сильнее закипал. Пока его самолюбие растаптывали в грязи, этот главный виновник — Линь Исин — сидел в зале и вместе с остальными смотрел, как он позорится!

— Линь Исин, я наконец понял. Ты просто псих, гнилой насквозь! Надежды на тебя нет! Лучше бы я подобрал на улице бездомную собаку, чем тебя!

Линь Исин опустил голову и с силой впился в губы Линь Шэня, целуя его. Его руки, сжимавшие щеки брата, дрожали — то ли от страха, то ли от ярости.

Хватит...

Он не хотел больше ничего слышать. Слова Линь Шэня вонзались в его грудь, как острые иглы. Было невыносимо больно, сердце словно разрывали на части.

Но вскоре Линь Исин ощутил укус — Линь Шэнь, не жалея сил, вцепился зубами в его язык. Вкус железа мгновенно заполнил рот, и тонкая струйка крови медленно потекла по подбородку Линь Шэня.

Эта острая физическая боль в сочетании с душевным потрясением почти свела Линь Исина с ума. Хотя, возможно, он сошел с ума уже давно.

В тот день, когда Линь Ваньнань и Чэнь Цинъюй выгнали его вон, когда Линь Шэнь прятался, избегал его и даже грозился уйти — в тот миг мир окончательно отвернулся от него. И тогда он, не заботясь о последствиях, запер Линь Шэня здесь.

Секундой позже Линь Шэнь с силой дернул цепи, накинув их петлей на шею Линь Исина. Пока тот был охвачен душевной и телесной мукой, Линь Шэнь ухватился за представившийся шанс дать отпор — пусть даже ценой собственной жизни.

Жестокость, дремавшая глубоко внутри Линь Шэня, проснулась. На тыльной стороне его кисти вздулись вены, когда он с силой потянул цепь, перекрывая Линь Исину дыхание.

— Отпусти меня, или я тебя задушу!

Его взгляд был свиреп, как у волка, а слова — холодны, как лед, полны непоколебимой решимости.

Больно.

Губы разбиты, они кровоточат. Горло стиснуто железной цепью, которая явно впивается в кожу, грозя закончиться смертью. Да и руки Линь Исина покрыты синяками и следами крови от зубов брата.

Но Линь Исин, не мигая, смотрел на Линь Шэня, не отступая ни на шаг. В его глазах светилось болезненное, фанатичное упоение, смешанное с крупными не исчезающей уязвимости и боли.

— Тогда давай умрем вместе... — тихо прошептал Линь Исин. В его голосе звучало странное, безмятежное спокойствие. — Мы будем вместе вечно...

Этот человек сошел с ума. Настоящий психопат!

Линь Шэнь дрожал от ярости. Он продолжал давить на цепь, видя, как лицо Линь Исина наливается пунцовым цветом. Линь Исину наверняка невыносимо больно — Линь Шэнь понимал, что прилагает колоссальную силу, и цепи, впивающиеся в плоть, причиняют страдания, которые нормальный человек не вынес бы. Но Линь Исин, словно монстр, безумно терпел это, готовый умереть вместе с ним, неся этот бред про вечность.

— Ты совсем спятил, мать твою!

Линь Шэнь взревел, и хватка его немного ослабла. Не стоит играть в рулетку с безумцем, которому нечего терять.

Он разжал руки, отпустил шею Линь Исина и, тяжело дыша, спросил:

— Чего ты, черт возьми, добиваешься?

Линь Исин, глядя на него, ответил слабым голосом:

— Я хочу, чтобы ты меня полюбил.

Линь Шэнь лишь горько усмехнулся:

— А если я прикажу тебе дерьма поесть, ты поешь?

Любовь — это разве вещь, которую можно взять или получить по желанию?

В покрасневших глазах Линь Исина промелькнула слабость:

— Шэнь, неужели... неужели я настолько противен? Неужели ты не можешь принять меня хотя бы капельку?

— Сколько раз тебе повторить? Не принимаю! Не принимаю и не приму, даже если сдохну!

Одной мысли о связях между мужчинами его уже тошнило. А Линь Исин к тому же еще и его брат. И если бы дело было только в родстве, но он ведь еще и безумец.

Хэ Жаньжань, фестиваль искусств, то, что происходит сейчас — все это дело рук Линь Исина. Он сумасшедший, готовый калечить жизни ради собственного эгоизма.

То, что Линь Исин называет любовью, и близко на нее не похоже. Она эгоистичная, собственническая, параноидальная, мрачная... Эта так называемая любовь слишком тяжела, ему её не вынести.

Линь Исин слез с кровати. С непроницаемым лицом он достал из-под кровати небольшую аптечку и набрал в шприц немного прозрачной жидкости.

Неважно, любит его Линь Шэнь или нет...

Главное — обладать им...

Да, это не важно...

Линь Шэнь, глядя на холодную, болезненную решимость брата, почувствовал, как ярость переплетается со страхом — страхом, что Линь Исин и правда пойдет на насилие. Он мог лишь яростно выкрикнуть:

— Хочешь в ад — проваливай туда один, не тяни за собой других! Псих! Сумасшедший!

Линь Исин, не меняясь в лице, развернулся и снова подошел к кровати.

— Ха... решил вколоть мне дрянь, а потом поиграть? Ха-ха-ха! Линь Исин, ты ведь не больше чем обычная тварь, стоит ли оно того? — Линь Шэнь не сводил с него глаз. — Хватит обращаться со мной как с животным. Хочешь меня — делай это прямо сейчас, я не буду сопротивляться.

Сердце, которое, казалось, онемело, снова сжалось от боли.

— Неужели такому извращенцу, как ты, это и нужно? Мрак? А после того, как все закончится, убьешь меня? Да? Ха-ха-ха... Линь Исин, тебе, дебилу, лучше заодно вырвать мое сердце! Вырвать, вскрыть и посмотреть: какая именно гнилая тварь там притаилась!

Линь Исин отчаянно пытался подавить душевную боль... Но в какой-то миг ему показалось, что из него выкачали всю кровь — тело стало ватным, бессильным. Никогда еще в жизни он не чувствовал себя таким беспомощным.

Что ему сделать... как заставить этого человека принадлежать ему, по доброй воле... полностью, без остатка?

Он ведь просто хотел быть с Линь Шэнем.

Линь Исин снова забрался на кровать, придавил Линь Шэня к матрасу и ввел ему миорелаксант. Линь Шэнь почувствовал, как тело охватывает оцепенение, и прекратил всякое сопротивление.

Линь Исин приподнял его голову и нежно коснулся губами вспотевшего лба. Затем он пошел в ванную, намочил полотенце и вернулся, чтобы стереть пот с лица Линь Шэня.

Его движения были мягкими, точно такими же, как тогда, когда волосы Линь Шэня намокали, и Линь Исин говорил, что спать с мокрой головой вредно, а потом бережно сушил их феном, ласково перебирая пряди, словно гладил послушного котенка. Тогда тихое гудение фена и его пальцы, казалось, обладали магической силой, приносящей покой...

Но вернуть ничего было нельзя.

Линь Шэнь по-прежнему смотрел на него злым, яростным взглядом и продолжал ранить его словами.

— Как же ты противен. Тот, кто не знает, решил бы, что ты и правда так сильно меня любишь,
— хрипло бросил Линь Шэнь.

Ничего не попишешь: он был слишком зол, потратил много сил, пересохло в горле, голос сел. Любого, кого накачали наркотиками и приковали цепями к кровати, будет выворачивать от отвращения.

Линь Шэнь продолжал сыпать проклятиями, пока совсем не охрип. А заметив, что Линь Исин, похоже, отказался от своих грязных мыслей и не собирается предпринимать дальнейших действий, он замолчал.

Линь Исин налил воды, но, подумав, что руки Линь Шэня скованы, набрал воду в собственный рот и приник к его губам.

Его, разумеется, снова укусили. Но Линь Исин лишь подумал: пускай кусает, сколько влезет.

Вновь появился вкус крови. Линь Шэнь, глядя на распухшие губы брата, выдавил из горла глухую усмешку:

— Псих.

Линь Исин лег на кровать и прижал к себе онемевшее, неподвижное тело брата. Он не делал ничего лишнего — просто обнимал, словно любовник. Линь Исин пытался заглушить этим боль.

Линь Шэнь не сопротивлялся. Он позволял себя обнимать.

Линь Исин обнял его, а спустя мгновение не сдержался: начал целовать шею Линь Шэня, опускаясь ниже. Его поцелуи ложились на кожу густо и часто — томные, нежные, с привкусом страсти.

Другой рукой он начал мягко ласкать брата, но там все было вялым, не давая ни единого отклика.

— Если бы ты не накачал меня этой дрянью, меня бы уже стошнило от отвращения, а мурашки пошли бы слоями.

Линь Шэнь, казалось, был уже ко всему равнодушен. Его голос звучал ровно — как у зверька, в которого вонзил клыки хищник, и который перестал бороться, смирившись с пыткой.

Губы Линь Исина замерли на груди Линь Шэня. Он поднял голову, посмотрел на него и прошептал:

— Шэнь...

Он хотел подчинить Линь Шэня себе. Но он не хотел ломать гордость Линь Шэня.

Тот вечно гордый, сияющий, подобно солнцу, полный жизненных сил юноша — его невозможно сокрушить ничем.

Он хотел, чтобы Линь Шэнь подчинился ему по доброй воле.

Но разве такой гордый Линь Шэнь согласится быть у кого-то под началом?

Если он не полюбит его в ответ, он никогда не склонит голову.

— Шэньшэнь, полюби меня, хорошо? — Линь Исин произнес эти нелепые слова.

Линь Шэнь насмешливо фыркнул:

— Полюбить того, кто с одиннадцати лет был коварен и порочен? Того, кто опозорил меня перед всеми? Того, кто запер меня на кровати, как раба? Линь Исин, ты правда думаешь, что это возможно?

Линь Шэнь посмотрел на него и с нескрываемым отвращением отвел взгляд:

— Такие, как ты, никому не могут нравиться.

Линь Исин, израненный колкими словами Линь Шэня, уже почти онемел от боли. Он продолжал твердить одно и то же:

— Шэньшэнь, ты любишь меня...

Это состояние, похожее на самогипноз, вызывало у Линь Шэня лишь раздражение.

Ему надоело препираться:

— Чего ты в конце концов хочешь? Будешь делать или нет? Если сделаешь — расчлени меня, а если нет — жди, пока я выберусь и вызову полицию. Или ты собираешься просто держать меня в заложниках, пока копы не постучатся в дверь?

Линь Исин обнял его, нежно лизнул мочку уха и, мягко и болезненно, прошептал:

— Шэньшэнь, хороший мой, давай спать...

— У меня нет ни малейшего желания торчать здесь с таким психом, как ты! Ты отпустишь меня или нет! — Линь Шэнь дернул головой, избегая прикосновения его отвратительного языка.

Линь Исин придержал его голову и оставил легкий поцелуй в уголке губ, одержимо повторяя:

— Шэньшэнь...

Этот человек точно сумасшедший.

Линь Шэнь переполняли отвращение и бессилие, поэтому он просто закрыл глаза, перестав что-либо делать или говорить.

— Шэньшэнь, если я отпущу тебя, ты больше не будешь принадлежать мне... Я люблю тебя, очень сильно люблю... Шэньшэнь, давай будем вместе, ну? Шэньшэнь... я отпущу тебя, только не уходи от меня, ладно?

Нужно быть больным на всю голову, чтобы не уйти от него! Он просто ядовит.

— Ты же обещал... Раз уж ты подобрал меня и привел домой, то не бросишь... — голос Линь Исина дрогнул и, наконец, перестал звучать жутко, вернувшись к нормальным интонациям.

Этот голос, такой хрупкий и при этом живой.

— Ты же только что говорил, что спать хочешь! Хватит ныть!

Линь Шэнь, долго молчавший, наконец подал голос. Линь Исин замер на мгновение, а затем снова поцеловал его в уголок губ, в его голосе проскользнули радость и заискивание:

— Хорошо... Давай спать.

Не прошло и двух минут, как Линь Шэнь снова открыл глаза.

Его взгляд столкнулся с одержимым взглядом Линь Исина.

Оказывается, этот тип даже не спал, а всё это время по-психически паялся на него.

Линь Шэнь с трудом боднул его головой и сердито буркнул:

— Ты что, хочешь уморить меня голодом?

Опасаясь, что после всего случившегося силы Линь Шэня на исходе, Линь Исин поднялся с кровати.

— Я схожу куплю еды.

Как только тот вышел из спальни, Линь Шэнь выдохнул и обратился к системе:

— Мусорная система, у меня ведь должно быть накоплено приличное количество баллов?

— Хозяин, я Система 001, а не мусорная система.

— Разблокируй цепи. И восстанови мое тело.

Иначе, пока в крови действует миорелаксант, от освобождения рук толку не будет.

Система молчала.

— Если ты, бестолковая система, сегодня мне не поможешь, мы расторгнем связь. Я и так уже

давно хочу от тебя избавиться!

Хотя он и не особо усердствовал в выполнении заданий, система всё же испугалась, что Линь Шэнь может решиться на крайние меры.

Стоило ему закончить фразу, как у кровати внезапно возникла маленькая девочка. Линь Шэнь подскочил, решив, что это привидение.

Девочке было на вид лет пятнадцать-шестнадцать. С лицом, застывшим, как у робота, она невесть откуда достала ключ, расстегнула наручники Линь Шэня и влила в него какой-то эликсир. Затем она так же внезапно исчезла.

Это что, Магическая девочка?

Линь Шэнь с мрачным лицом поднялся с кровати, нашел свою одежду и поспешно оделся.

Очевидно, Линь Исин не ожидал, что Линь Шэнь сможет выбраться. Ведь человек, закованный в цепи, голый и накачанный миорелаксантами, в реальности не мог сбежать — это казалось чем-то невероятным. Поэтому дверь в спальню не была заперта.

Но как только Линь Шэнь осторожно вышел из комнаты, он столкнулся с Линь Исином.

В следующее мгновение они сцепились в яростной схватке.

Оба не щадили друг друга, в воздухе смешивалось их тяжелое дыхание, от ударов кулаков в плоть оба покраснели, а из уголков губ сочилась кровь.

Взгляд Линь Исина полностью утратил рассудок, в нем осталось лишь безумие отчаяния.

Линь Шэнь поднялся с кровати! Он хочет уйти и больше никогда не будет с ним. Если Линь Шэнь уйдет сейчас, у него больше не будет шанса приблизиться к нему. Путь отрезан, и он обязан удержать его любой ценой.

Линь Шэнь тоже был охвачен безумием — как зверь, только что вырвавшийся из капкана, он был предельно осторожен, вкладывая в каждый удар и пинок небывалую силу.

Если его снова прикуют цепями, Линь Исин, окончательно слетев с катушек, превратится в законченного маньяка!

Драка, в которой оба бились насмерть, закончилась тем, что Линь Исин рухнул на пол.

Линь Шэнь атаковал его шею.

Именно там, где раньше сдавливали цепи, резкий удар причинял невыносимую боль. К тому же Линь Исин был сильно искусан Линь Шэнем за руки.

Хорошо, что Линь Шэнь успел оставить на нем следы от укусов, иначе при той зверской ярости, которую демонстрировал Линь Исин, Линь Шэнь вряд ли бы справился.

Линь Шэнь тяжело дышал, на его руках вздулись вены, но он не терял бдительности. Он холодно посмотрел на поверженного противника и с силой пнул его — как сумасшедшую собаку.

— Ну что, весело? Кайфово? Тебе хорошо?! — Линь Шэнь нанес еще несколько ударов,

выплескивая накопившуюся за долгое время ярость. — Исчезни из моей жизни! Больше не попадайся мне на глаза!

Линь Шэнь развернулся и ушел.

Линь Исин лежал на полу, из ран на лице сочилась кровь. Шея посинела, в области затылка явно была видна вмятина — там, где недавно что-то хрустнуло. Скорее всего, кости серьезно повреждены, и шеей нельзя будет двигать ближайшие пару месяцев. Переносица, которая едва успела зажить, снова пострадала.

Если не считать кровавых ссадин, под ними проступала мертвенно-бледная кожа — словно у зомби, из которого выкачали всю кровь.

Но он не чувствовал боли.

Бескрайнее онемение накрыло его, поглотило и растворило.

Он мог только смотреть...

Смотреть, как спина того, кто был ему дорог, удаляется...

Все дальше...

Все дальше...

А затем, с грохотом захлопнувшейся двери, этот решительный и жестокий силуэт навсегда исчез из его мира.

Шэньшэнь, Шэньшэнь.

Словно бесконечные лианы, обвивающие его сердце, они стягивали его, сжимали... а потом — кровавое месиво.

Кто же на самом деле оказался в заточении?

Выбравшись от этого маньяка, Линь Шэнь позвонил домой и сказал, что задержится у одноклассника еще на пару дней. Ему не хотелось, чтобы родители увидели его побитым после этой схватки.

Он сидел в такси, за окном брезжил рассвет, водитель впереди зевал.

В салоне играла старая, плавная песня, отчего на душе Линь Шэня становилось еще тревожнее.

— Мастер, выключите музыку, у меня голова болит, — попросил он.

Линь Шэнь откинулся на спинку сиденья с закрытыми глазами. В это тихое, пустое утро внутри него начала расти тоска.

Странная, почти невозможная для него тоска.

Ведь он — Линь Шэнь. Гордый, солнечный, беззаботный.

Разве может он грустить?

Линь Шэнь сжимал телефон. Заявить в полицию? И что сказать?

Что его держал в заложниках мужчина, колот миорелаксантами и пытался изнасиловать? И что они при этом прописаны в одной домовой книге?

Да ну его к черту.

Проявлю милосердие и отпущу этого психа с миром.

Но десятилетняя дружба превратилась в пыль.

На этом и разойдемся.

Из-за того, что Линь Исин однажды подставил его, Линь Шэнь теперь боялся даже заходить в переулки и вздрагивал при виде любого парня в кепке.

Видно, психологическая травма была глубже, чем он думал.

Он ведь своими глазами увидел, до какой степени может дойти безумие Линь Исина. Если тот объявится снова, Линь Шэнь готов был даже переехать и сменить школу.

Но прошел день, другой — Линь Исин не появлялся.

Линь Шэнь надеялся, что навсегда избавился от этого маньяка.

<http://bllate.org/book/24751/2923919>